

КАМЕНЬ ПАМЯТИ

■ 28 ноября исполнилось 100 лет со дня рождения советского писателя Константина Симонова. В 1980 году для «Комсомольской правды» известный писатель и журналист Василий Песков написал очерк про своего коллегу и друга. Рассказал, почему таким особенным был для него белорусский город Могилев. О людях, которые его защищали. О поле, которое считал своим. Мы публикуем рассказ специально для читателей «СВ».

КУСОК ЗЕМЛИ, ЗАПАВШИЙ В ДУШУ

На шестом километре дороги, если ехать из Могилева в Бобруйск, шоссе слегка расширяется, в разрезе придорожной полосы елей и кленов проезжий видит площадку и на ней дикий камень. Памятник?.. Остановившись, видишь у камня цветы и хорошо знакомое факсимиле, резцом просеченное на валуне, - Константин Симонов. С тыльной стороны камня - литая доска: «...Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах».

Эти слова заставляют снять шапку и помолчать, глядя на поле, прилегающее к дороге.

Если проезжий не очень спешит, он от кого-нибудь узнает: полоса кустарника и деревьев, линейкой идущая в поле, скрывает остатки рва, который когда-то спешно вырыли - остановить танки. Но немецкие танки в 41-м остановил не этот теперь оплывший земляной ров, а люди, тут и polegшие. Симонов видел, как это было. Помнил об этом всю свою жизнь. И однажды обмолвился, что хотел бы, чтобы прах его был развеян на поле боя под Могилевом.

...Симонов много видел и много всего пережил. И если уж так запал ему в душу кусок земли на подступах к Могилеву, то, видно, были на это причины немаленькие. И это действительно так.

ШЕЛ ПЯТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ...

Я беседовал с Константином Михайловичем незадолго до его смерти. Перебрали многое, что пришлось пережить на войне и после войны, и было заметно: все, что касалось июня - июля 41-го, и особенно всего, что было пережито под Могилевом, его очень волновало. Читая книги его, статьи, вспоминая его беседы и публичные речи, многие могут за-

О писателе Константине Симонове рассказывает его современник Василий Песков

Фронтные корреспонденты (слева направо) Оскар Курганов, «Правда», Константин Симонов из «Красной Звезды», известинец Евгений Кригер.

метить: слово Могилев непременно всюду нет-нет да и всплывет, и непременно в почетном ряду названий, в ряду таких славных мест, как Москва, блокадный Ленинград, Сталинград, Курская дуга, Севастополь, Одесса...

Оборона Могилева была героической. Город сражался в кольце врагов, когда оставлены были Минск и Смоленск, - сражался, зная, что обречен. Слава его заслуженная. Однако была у Симонова и личная приязнь к этому древнему белорусскому городу, к могилевским полям, лесам и дорогам. Обращаясь к опубликованным теперь военным дневникам писателя, отчетливо видишь причину этой приязни.

В 1941 году Константину Симонову было двадцать пять лет. За Могилев, к линии фронта, военным корреспондентом он прибыл к пятому дню войны. Каким он был, этот совсем еще молодой человек, уже известный, впрочем, как автор только что пошедшей пьесы «Парень из нашего города», известный как поэт?

«Шинель была хорошо пригнана, ремни скри-

пели, и мне казалось, что вот таким я всегда буду. Не знаю, как другие, а я, несмотря на Халхин-Гол, в эти первые два дня настоящей войны был наивен, как мальчишка». Это из дневника.

И там же, через пять-шесть страниц: «Две недели войны были так не похожи на все, о чем мы думали раньше. Настолько не похожи, что мне казалось: я и сам уже не такой, каким уезжал 24 июня из Москвы». Таково потрясение, пережитое на могилевской и смоленской земле. Это все тогда пережили. Симонов надолго это сохранил - в памяти,

в дневниках.

Нельзя без волнения читать страницы записок о выходивших из окружения, о беженцах на дорогах, о самолетах над дорогами, о танках, вдруг прорывавшихся в тыл отступающим, об июльской пыльной жаре, неразберихе, путанице, об ощущении огромного горя, которое разом обрушилось и разрасталось. Общее горе сближает людей. Это известно. Но и место, где горе превозмогалось, тоже становится особо дорогим человеку.

“Я БЫЛ ВСЕГО-НАВСЕГО КОРРЕСПОНДЕНТОМ, НО И У МЕНЯ ЕСТЬ КУСОК ЗЕМЛИ, КОТОРЫЙ МНЕ ВЕК НЕ ЗАБЫТЬ...”

На поле, у которого стоит теперь этот камень, Симонов приезжал не единожды после войны. В большой последней своей работе «Шел солдат...» он прямо говорит

об этом памятном для нас месте: «Одному человеку этот мирный сейчас пейзаж ничего не говорит, а для других - это поле боя... Я не был солдатом, был всего-навсего корреспондентом, но и у меня есть кусок земли, который мне век не забыть, - поле под Могилевом, где я впервые видел в июле сорок первого, как наши сожгли тридцать девять немецких танков...»

Сколько сожженной техники пришлось увидеть за годы войны! Но всю жизнь он помнил эти тридцать девять подбитых танков.

В шести километрах от города на пути фашистов оказалась дивизия, которая не отступила, которая сама попятала танки Гудериана.

ЧУВСТВО РОДИНЫ

Пробираясь на драном пикапе по проселкам Могилевщины и Смоленщины (большаки уже заняты были шедшими на восток танками!), молодой горожанин, корреспондент столичной и армейской газет, впервые близко увидел деревню, деревенскую жизнь, деревенских людей. И в душе его проросли до этих дней дремавшие в зернах чувства. «Я понял, насколько сильно во мне чувство Родины, насколько я чувствую эту землю своей и как глубоко корнями ушли в нее все эти люди, которые живут на ней... Было чувство острой жалости и любви ко всему находившемуся здесь: к этим деревенским избам, к женщинам, к детям, играющим возле дороги, к траве, к березам, ко всему русскому, мирному, что нас окружало и чему недолго оставалось быть таким, каким оно было сегодня».

Это из дневника, опубликованного недавно. А тогда, в 41-м, чувства, пробужденные на могилевско-смоленской земле, были выражены в стихах. В сильных стихах:

*Ты знаешь, наверное, все-таки Родина -
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.
Не знаю, как ты, а меня с деревенской
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезой и с песнею женской
Впервые война на проселках свела.*

Это часть стихотворения, посвященного А. Суркову.

А вот из другого стихотворения тех же далеких дней:

*Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке,
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,
Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты извездил и узнал,
Ты вспоминаешь Родину - такую,
Какой ее ты в детстве увидел.
Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.*

Эти строки и сегодня сжимают сердце. А тогда, в 41-м, 42-м? В те дни такие стихи были новой и свежей силой, такой же, как новой конструкции танки и самолеты. Я это знаю не с чьих-то слов. Я помню, как эти стихи в облетевшем осеннем саду нашего прифронтового села читал красноармейцам молоденький лейтенант. Читал не из газеты, не из книжки. Из тетрадки, куда стихи переписаны были карандашом!

И сейчас помню взволнованный голосок лейтенанта: «Клочок земли, припавший к трем березам...». Помню, как его слушали, какая была тишина. Мы с приятелем, сидевшие, как воробы, возле кучки бойцов, украдкой, когда все уже расходились, попросили лейтенанта переписать стихи. Лейтенант внимательно нас оглядел и вдруг вырвал из тетрадки листок: «Возьмите, я это знаю на память». Через два года в школе из книжки я узнал, что запавшие в душу стихи называются «Родина» и написал их К. Симонов.

Очень жалею, что забыл рассказать об этом давнем памятном эпизоде Константину Михайловичу во время нашей долгой беседы весной 1978 года, - тогда я больше спрашивал, а он отвечал. Но это уместно вспоминать сейчас, у камня под Могилевом. Уместно потому, что это святое, сильное чувство пробилось сквозь боль и тревогу на могилевско-смоленской земле.

Надпись на обратной стороне камня: К. М. Симонов, 1915 - 1978. Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах.